

Наставление

Решив взяться за воспитание Сюй Чуня, Се И, продолжая смотреть представление, завёл разговор:

— Отшельник Люжу. Ты знаешь, что означают эти «шесть как»?

Сюй Чунь замер, словно школьник, которого внезапно вызвали к доске. Он не знал, что ответить.

— В «Алмазной сутре» сказано: «Все деятельные дхармы подобны сну, иллюзии, пузырю, тени, росе и молнии. Так их и следует созерцать», — медленно начал Се И. — Поэтому «шесть как» Тан Боху — это как сон, как иллюзия, как пузырь, как тень, как роса и как молния.

— Вот оно что, — с облегчением выдохнул Сюй Чунь. — Спасибо, девятый братец, что просветили.

— Подумай, — терпеливо продолжал Се И, — Тан Боху пережил много несчастий: его обвинили в мошенничестве на экзаменах, втянули в заговор князя. Его жизнь была полна лишений и горечи. Поэтому он и взял себе такой псевдоним, видя во всём лишь мимолётность и пустоту. Это было проявлением его желания уйти от мира. Прочти его стихи: «Хочу состариться среди цветов и вина, не хочу кланяться перед повозками и конями» или «Тридцать стихов в ответ — десятки тысяч печалей, кто узнает о разбитом весенним ветром сердце». В них много тоски и разочарования. Он был человеком гордым и негибким. Как ты думаешь, мог ли он ради улыбки служанки скрывать своё имя, наниматься в услужение и унижаться, чтобы жениться на ней?

Сюй Чунь молчал. Девятый братец был так серьёзен. Он, конечно, понимал, что в пьесах всё выдуманно, но, глядя в ясные, только что исцелённые тёмные глаза Се И, чувствовал, что тот заботится о нём. От этого у него на душе становилось легко и радостно.

— Вы совершенно правы, девятый братец, — поспешно согласился он.

— Ты видишь лишь красоту его картин, но не замечаешь печали в его сердце. Жизнь — это не пьеса, где можно просто посмеяться над забавным сюжетом. Нельзя принимать всё, что написано в книгах, за чистую монету. Талантливые учёные и прекрасные девы, императоры и полководцы, их страсти и страдания, встречи и расставания — всё это как сон, как иллюзия, как роса и как молния.

— Вы правы, девятый братец, — повторил Сюй Чунь, а сам подумал: «Девятый братец несчастен. Другие смотрят пьесу и радуются, а он видит лишь пустоту и мимолётность,

вспоминает о несчастьях отшельника Люжу. Наверное, это оттого, что у него самого на душе тяжело. Нужно придумать, как его развеселить. Покататься на лошадях, пострелять из лука, погулять весной... придётся постараться».

Се И, не зная, что Сюй Чунь думает о его меланхолии, удовлетворённо кивнул.

— Этот театр твой? Семья в курсе?

— Нет, что вы, — поспешно замотал головой Сюй Чунь. — У нас в семье по материнской линии принято с двенадцати лет давать детям деньги, чтобы они пробовали себя в торговле. Я тоже решил попробовать. Открыл театр, чтобы было удобно смотреть представления, какие захочу. А книжную лавку — потому что люблю читать повести... — он смущённо умолк.

— То, что ты с юных лет умеешь вести дела, — это хорошо, — кивнул Се И. — Но столичная знать презирает торговлю, так что лучше об этом не распространяться. Пока отец жив, сын не должен иметь своего имущества. Если кто-то захочет придраться, ты будешь неправ. Будь осторожен.

— Я думал, девятый братец сочтёт меня вульгарным торгашом, — обрадовался Сюй Чунь.

— Вульгарность не в этом, — ответил Се И. Те сто тысяч лянов очень помогли. В Министерстве общественных работ работа закипела, министр словно помолодел на несколько лет, на утренних приёмах ходит с гордо поднятой головой, и преданности в его глазах заметно прибавилось.

Если бы в Министерстве финансов был такой же предприимчивый человек, ему не пришлось бы так туго. Деньги сами по себе не вульгарны. Этот юноша, хоть и наивен, но в нём нет ни капли пошлости. Он искренен и благороден. Ему просто нужен кто-то, кто направит его.

С этой мыслью он окинул Сюй Чуня оценивающим взглядом. «Наследник князя Цзин... можно устроить его на должность делопроизводителя в Министерство финансов. Но он ещё слишком молод. В мире чиновников, без защиты, его с его характером быстро съедят. И классические тексты он знает плохо. Нужно нанять ему хорошего учителя, пусть поучится несколько лет...»

Пока он размышлял, Сюй Чунь, заметив, что время близится к полудню, велел подавать жоуянь. Се И увидел золотистый, ароматный бульон, в котором плавали белоснежные, полупрозрачные вонтоны. Это действительно было то, что он любил. Принесли и медвежьи лапы в меду, тушёные с ломтиками женьшеня и оленьими рогами. Он понял, что это тоже было лечебное блюдо. За эти несколько дней у Сюй Чуня он съел и выпил больше, чем во дворце за год. Забавно.

После представления и сытного обеда Сюй Чунь проводил Се И обратно. Увидев, что тот принял лекарство, Се И как бы невзначай спросил:

— На чём мы в прошлый раз остановились с чтением хроник?

— У вас ведь глаза ещё не совсем поправились... — попытался возразить Сюй Чунь.

— Именно потому, что не поправились, мне и нужно, чтобы ты мне читал.

Сюй Чунь вздохнул.

— Я давно не перечитывал «Великое учение», — с лёгкой улыбкой добавил Се И. — Будь добр, прочти мне.

Сюй Чунь подумал, что тот наверняка знает его наизусть, но покорно вышел и вернулся с книгой.

— «Путь великого учения в том, чтобы проявлять светлую добродетель, быть близким к народу, достигать высшего блага...» — начал он.

Се И слушал с закрытыми глазами. Его густые ресницы отбрасывали тень на лицо, прекрасное, как изваяние из нефрита. Сюй Чунь, читая, украдкой поглядывал на него: на высокий нос, тонкие губы, на то, как движется его кадык. Сердце его трепетало, и чтение уже не казалось таким уж скучным занятием.

— «Это называется: искренность внутри проявляется вовне, поэтому благородный муж должен быть особенно внимателен, когда он один». Как ты это понимаешь? — внезапно спросил Се И, не открывая глаз.

Сюй Чунь замер. «Так и знал, что будет спрашивать». К счастью, пока он ждал книгу, он успел пробежать глазами несколько страниц с толкованиями.

Запинаясь, он пересказал что-то о единстве сердца и формы, знания и действия. Он и сам не до конца понимал, что говорит, просто повторял заученные фразы.

— Твоё сердце от природы искренне, — сказал Се И, открыв глаза. — Тебе следует хорошо обдумать эти слова. Ты, похоже, придерживаешься толкования школы сердца, которое сейчас в почёте у великих учёных. Продолжай в том же духе.

Сюй Чунь, обливаясь потом, дочитал «Великое учение» до конца.

— Что ещё тебе непонятно? — спросил Се И.

Сюй Чунь хотел было сказать, что всё понятно, но, боясь новых вопросов, решился спросить о

нескольких фразах. Се И терпеливо всё объяснил, а потом и вовсе растолковал ему всю книгу.

— Выучи наизусть, завтра расскажешь, — закончил он.

Сюй Чунь молчал.

— А ещё я хочу посмотреть на твой почерк. Завтра напишешь по памяти.

Сюй Чунь украдкой взглянул на него.

— Что, не хочешь? — спросил Се И. — Тебе уже восемнадцать, не нужно объяснять, зачем нужно учиться.

— Девятый братец, то, что вы меня учите, — для меня большая радость, — поспешно ответил Сюй Чунь. — Вы отдыхайте, а мне нужно съездить в резиденцию по одному небольшому делу. Вечером я обязательно всё выучу.

Се И, видя, что тот не выглядит расстроенным, удивился, но всё же отпустил его.

Выйдя, Сюй Чунь вскочил на коня и поскакал в резиденцию князя Цзин. Оказалось, Цюху прислал человека сказать, что его ищет госпожа Шэн. Мать передала ему письмо.

— Завтра в столицу приезжает твой двоюродный брат Чанчжоу. Наверное, что-то случилось дома. Поезжай в порт, встретить его.

— Старший брат внезапно едет в столицу? — удивился Сюй Чунь. — Он ведь всегда занимался делами семьи в Минь. Неужели с дедушкой что-то?

— Я тоже об этом подумала, — ответила госпожа Шэн. — Поэтому и прошу тебя встретить его. Возьми с собой Шэн Аня, устрой брата где-нибудь. В доме много посторонних глаз, да и твоя бабушка никогда не считала семью Шэн ровней. Твой брат — будущий глава семьи, он не привык к унижениям. Нечего ему в нашем доме терпеть обиды. Встреть его, узнай, в чём дело, если сможешь — помоги. А потом доложишь мне, и мы выберем подходящий день, чтобы он нанёс официальный визит.

Сюй Чунь всё понял. Он слышал, что старшие из семьи Шэн приезжали в столицу лишь однажды — на свадьбу его матери. С тех пор они каждый год присылали лишь младших родственников с подарками. Наверное, их тогда плохо приняли.

— Матушка, вы теперь тоже дама с пожалованным титулом, — улыбнулся он. — Разве гости от семьи Шэн — не почётные гости? Я всё устрою для брата.

Госпожа Шэн долго смотрела на него, её глаза покраснели.

— Ты вырос, — с улыбкой сказала она. — Дружи со своими двоюродными братьями, они всегда тебе помогут.

— Они мне как родные, матушка, не беспокойтесь, — ответил Сюй Чунь. Он ещё немного поговорил с ней и вышел. Мысль о том, что завтра девятый братец будет его экзаменовать, не давала ему покоя. Он боялся, что тот подумает, будто он уваливает от учёбы.

Но внезапный приезд старшего брата действительно был странным. Отец Чанчжоу был главой семьи Шэн, а сам он, как будущий наследник, редко покидал Минь. Значит, случилось что-то важное. Неудивительно, что мать так встревожилась.

Он позвал Цюху и велел ему съездить в квартал Бамбуковых Ветвей, передать известие. А ещё отправил с ним банку грибного соуса с миндалём и банку с курицей для девятого братца.

Тем временем в квартале Бамбуковых Ветвей Се И, проводив Сюй Чуня, вызвал Фан Цзысина.

— Я велел следить за аптеками, — доложил тот, — но никто не приходил с расспросами. Может, они используют другие каналы. За теми семьями, что вы указали, тоже наблюдают, никаких контактов не замечено. Во дворце, у вдовствующей императрицы и супруги Цзин, тоже всё тихо.

— Это потому, что у них нет точных сведений, — усмехнулся Се И. — Никто не осмелится действовать вслепую. Сейчас не времена князя-регента, когда у них были союзники среди князей и генералов на границе.

Фан Цзысин молчал.

— Распорядись, — немного подумав, сказал Се И, — завтра я возвращаюсь во дворец.

Фан Цзысин замер.

— Нужна хорошая приманка, — продолжил Се И, — чтобы выманить змею из норы.

— Но вы ведь собирались завтра экзаменовать наследника Сюя... — осмелился напомнить Фан Цзысин.

— Пусть напишет по памяти, — взглянув на него, ответил Се И, — а потом пришлёт мне.

— Слушаюсь, — сказал Фан Цзысин.

— Завтра пусть из Министерства чинов пришлют мне списки и послужные записи всех преподавателей Высшей школы и Государевой академии, — добавил Се И. — И узнай, в каком классе учится Сюй Чунь и кто его наставник.

«Не повезло наследнику Сюю», — подумал Фан Цзысин, невольно усмехнувшись.

— Чему смеёшься? — заметил это Се И. — То, что я его учу, — его счастье.

— Вы правы, Ваше Величество, — тут же посерьёзней Фан Цзысин. — Только лучшие учёные, сдавшие столичные экзамены, могут называться учениками Сына Неба. А его учит сам император. Это же какая честь!

Се И нахмурился.

— Ладно, — передумал он, — вернусь во дворец завтра, после того как его проэкзаменую. Он всё равно рано приходит.

Не успел Фан Цзысин ответить, как снаружи раздался голос Уфу:

— Девятый господин, пришёл Чуньси. Сказал, что у наследника Сюя завтра гость, и он не сможет прийти. Если у вас будут какие-то поручения, можно передать их управляющему Старине Шэн Лю или позвать Сячао и Дунхая.

«Я его жду, а у него, оказывается, дела? Неужели уваливает от учёбы?» — брови Се И слегка приподнялись. Он заметил, что Фан Цзысин снова едва сдерживает смех.

— Вон отсюда! — рявкнул он.

<http://bllate.org/book/16990/1585026>